

УДК 785.161:821.161.1-192(Летов Е.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,445+Щ318.5
Код ВАК 10.01.08
ГРНТИ 17.07.51

Д. Л. КАРПОВ

Ярославль

МИЛИТАРНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ ЕГОРА ЛЕТОВА 2000-х гг.

Аннотация. Милитарные образы в поэзии Егора Летова – один из самых популярных предметов исследования в работах, посвящённых рок-поэту. В то же время чаще всего исследования проводят на материале ранних текстов. Поздняя поэзия - менее популярный материал, но именно в этих произведениях происходят важные для всей художественной системы Летова изменения, они и находятся в центре внимания автора.

Ключевые слова: андеграунд, русская поэзия, рок-поэзии, милитарные образы, поэтическое творчество, русский рок.

Сведения об авторе: Карпов Денис Львович, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова».

Контакты: 150001, г. Ярославль, ул. Златоустинская, д. 14, корп. 2, кв. 40, karpovdl@yandex.ru.

D. L. KARPOV

Yaroslavl

MILITARY IMAGES IN THE POETRY OF EGOR LETOV 2000 yy.

Abstract. Militar images in the poetry of Egor Letov - one of the most popular subjects of research in works dedicated to the rock poet. At the same time, most studies are conducted on the material of early texts. Late poetry is less popular material, but exactly there important changes are taking place for the entire artistic system of Letov's changes, and they are in the center of the author's attention.

Keywords: underground, Russian poetry, rock-poetry, militar images, poetic creativity, Russian rock.

About the author: Associate Professor at the Department of General and Applied Philology of Demidov State University (Yaroslavl, Russia), Candidate of Philological Sciences.

Христос проиграл...

И Че Гевара с Мисимой, и Пазолини,
мы все проиграли, т.е. выиграли все.

Э. Лимонов

Творчество Е. Летова часто связывают с политической мыслью, протестным движением и военной риторикой: военные образы, пожалуй, одни из самых частотных в творчестве поэта, при этом их амбивалентность не раз обсуждалась и в критических, и научных статьях, см. например, статьи А. Новицкой [5], А. Корчинского [1], А. Моисеева [4]. Такому восприятию способствовал и сам автор, в своих интервью постоянно возвращаясь к теме абсолютного и бесконечного противостояния художника «человеческому» [3, с. 66], бытовому [3, с. 27], рыночному [3, с. 39] и пр. В песнях и стихах – это отразилось прежде всего в героической патетике воспевания подвига-гибели. Видимо, кульминация сюжета «превосходного солдата» приходится на вторую половину 90-х, когда выходят «Невыносимая лёгкость бытия» и «Солнцеворот», пожалуй, самые патетические альбомы Летова, посвящённые войне в самом широком и метафизическом смысле. Кроме того, при обращении к более поздним произведениям поэта, не покидает ощущение, что совершается ещё один переход на новый качественный уровень, который влечёт за собой изменение структуры поэтического мира и трансформацию многих представлений. И прежде всего это касается милитарных образов, которые приобретают иное значение, едва ли не антонимичное более ранним.

Интересно, что одно из последних стихотворений девяностых годов, датированное 1997 годом, описывает особое состояние героя, напрямую связанное с теми представлениями, о которых идёт речь:

Такова была сила момента
Мгновения
Что ружьё так что дуло его разорвало
Лепестками волокнами вклучь разнесло
И теперь уже всё не застрелишь кого
Не застрелишься
Так и будешь отныне
Из угла в угол путешествовать
Книжки записные перечитывать
Подушку во сне обнимать
10.07.1997

А последний альбом 2007 года завершается песней «Осень» с рефреном «Никто не проиграл». Можно было бы предложить линейную схему творческого пути Летова от политического панк-протеста к психоделической философской лирике 2000-х, и такие попытки, обобщающие опыт исследования, предпринимаются [6], но сделать это, конечно, невозможно, так как метафизическая проблематика и образность, без сомнения, присутствуют в поэзии Летова, начиная с самых первых, известных читателю опытов (см. например, «Зказка напоследок» и прочие стихи первых лет).

Но, конечно же, идея периодизации творчества рождается не на пустом месте.

Сложно не сосредоточивать внимание на «громких» альбомах «Гражданской обороны» – «Боевой стимул», «Так закалялась сталь», тот же «Солнцеворот», гимны протеста, которые были написаны Летовым, уже неразрывно связаны с тем политическим контекстом, в котором существовала страна, сам поэт и его слушатели, - «Государство», «Новая патриотическая», «Против», «Новый день», «Революция» и пр. Без них уже сложно представить контркультуру России нового времени.

Но и зияющий в книге «Стихи» пробел с 17 октября 1997 года («У меня рука была...») по сентябрь 2002 года (текст песни «Без меня») говорит о тех значимых изменениях, которые происходят в поэте; и кризисная граница в 5 лет (по свидетельству Н. Ю. Чумаковой, в этот период действительно не было написано ни одного текста), безусловно, разделяет два совершенно неоднородных этапа.

Интересно, что октябрьский двухчастный текст 1997 года как будто бы позволяет начать выстраивать новый сюжет подвига в летовском творчестве 2000-х годов:

1. У меня рука была
Перевязана
И сидел я на привязи
Своего меча
В то время как вы
В то время как я
В отличие от вашего пешего брата
Сократил свои требования.

2. Я не взял тебя собою
Я в картину поглядел
На картине баба мчалась
А за нею серый конь
Над конём вздыбался Лыцарь
Остальное скрыло время
Он был с пламенным мечом
Ну а после были горы
Близорукие.

15 и 17.10.1997

Смешение субъектов в первой части, разрушение дихотомии «я» - «вы», такой важной для Летова, что он всегда постулировал в своих ранних интервью, горько-ироничная характеристика боевого оружия («И сидел я на привязи / Своего меча»), и куртуазно-рыцарская тематика, которая в контексте летовского творчества выглядит весьма неуместно и совершенно несерьёзно, указывают на изменение тематического комплекса «война» в творческой системе. Конечно, тема поражения не является чуж-

дой Летову, но она лишается надрывности, превращаясь в карикатуру, чем-то напоминая Пушкинские эксперименты с куртуазной тематикой в романах на испанские темы. И стилистическая игра у Летова конструктивно повторяет многомерное стилистическое пространство Пушкина, проводящего ревизию знакомых тем и сюжетов. Одним словом, читая тексты 1997 года, читатель сталкивается с целым рядом текстов, «неуместность» которых сразу бросается в глаза. Предположим, что в период после «Солнцеворота» и «Невыносимой лёгкости бытия» в творчестве Летова изменяется отношения к важной для поэта теме противостояния и войны (всех против всех).

В поэзии 2000-х годов, по нашему мнению, мы видим постепенный отказ от открытого противостояния, который может быть объяснён многими экстралитературными факторами, о которых здесь говорить не будет, так как это лишь малоинтересные домыслы. Попытаемся взглянуть на новый милитарный сюжет, который явно присутствует в текстах поэта последних лет.

В 2002 году написан ряд произведений, в которых милитарный сюжет получает развитие: это прежде всего «Крепчаем», в котором образы войны явно присутствуют, при этом составляют основу художественного мира: «Лихая музыка атаки и ковровые бомбёжки» превращаются в сумасшествие, которое акцентируется музыкальной поддержкой на альбоме «Реманиация», а динамики придаёт также специфическое наложение голоса – следующая строчка накладывается на финал предыдущей, что создаёт ощущение непрекращающегося движения-хаоса, в центре которой находятся «ебанутые войска». Воинственный рефрен «Всё, что нас не убивает – то нас делает сильнее» добавляет патетики в это противостояние абсурду и бессмысленности обыденного существования человека. Отметим, что и «беззвучная война» и «войска» не являются результатом активности героя, который стремится всё это «поджечь» и «сгореть». Возвращаясь к октябрьскому стихотворению 1997 года, можно предположить, что Летов в очередной раз предлагает дегероизированный образ не солдата, но воюющего агрессора, «врага». Думается, что этот образ получает развитие и в стихотворении, написанном через 2 дня после «Крепчаем», 13 ноября 2002 года, – «Вселенская Большая Любовь», где появляются «забытые войска», при этом хаотичность и нелепость войны подчёркивается характеристикой военной кампании – «Снега провожают дикий и лихорадочный поход». Учитывая специфику текста «Вселенской Большой Любви», являющегося гротескным представлением реальности физиологического существования («А вдруг всё то, что ищем / обретается при вскрытии / телесного родного дорогого себя»), можно исключить героический пафос из описания происходящего. Следует предположить, что поэт занимает внешнюю позицию по отношению к описываемым застывшим в забвении военным действиям, превращающимися в финале в игрушку.

Характеризуя милитарные образы в песнях 1990-х гг., А. С. Новицкая отмечает: «В художественном пространстве Летова война, чаще всего, –

процесс бурный, изображённый яркими красками, несущий участникам даже удовольствие» [5, с. 206]. Предположим, что именно это отношение к описываемым военным действиям и изменяется в поэзии 2000-х. Уже в декабре 2002 года появляется «Песня о большом прожорище», в котором действие перенесено в «нескончаемость вечера после войны», а вместе с этим появляются темы усталости, не поражения, но промаха.

Видимо, «нового дня» не наступает, что, конечно же, не является для героя Летова неожиданностью, этого он ожидает постоянно, не переставая воспевать свой «подвиг-поражение», «подвиг-дезертирство»: «Егор Летов ставит знак равенства между Свободой, Поражением и Торжеством» [4, с. 200]. Да и сами боевые действия вряд ли имеют характер окончанных, несмотря на то, что приходит «Голубое воскресенье – боевой победный день», за ним всё равно опять следует понедельник, вот только герой просыпается из этого круговорота «на другой стороне». Запущенный каруселью мир продолжает своё бесконечное движение, но герой покидает его, переходя в иное состояние – «может быть вспомнить».

Летовский герой всегда стремится вспомнить что-то важное, что сближает его с персонажами Андрея Платонова, но в тексте «На той стороне», кажется, происходит уже совсем иной процесс – на той стороне не столь важно, случится вспоминание или нет. Песня завершает наполненный достаточно агрессивными композициями альбом и не оставляет после себя того накала страстей, который поддерживают «На хуй» и прекрасно вписавшаяся в альбом машинская «Айя» и пр. Финальная психоделическая композиция, в которую выплёскивается песня, также возвращает читателя к реальности бесконечного существования вне хаоса боевых действий.

В «Приказе № 227» также появляется тема памяти: «Ведь это всё забудется / Как мусор / Как отрыжка пьяной совести»: в тексте появляется ролевой герой – солдат заградотряда, которому «повезло», «подстрелил кого-то из своих». История, рассказанная в стихотворении, полностью дискредитирует представление о войне, окончательно вымарывая представление о подвиге из милитаристского мифа, в котором остаётся лишь убийство и ожидание «полевой кухни с генеральской похлёбкой, королевской баландой». Война становится уделом не героического, а «обеденного сознания» (ср. «будничные трофеи» в «Реанимации»). Более того, уничтожающее всё индивидуальное, единичное: «феномен зайца, / сидящего в траве, / покрытой капельками росы».

Как указывал А. Моисеев [4], один из способов актуализации милитаристской темы в поэзии – включение интертекста. В 2000-е годы автор также не отказывается от уже разработанного приёма. Так, «Со скоростью мира», можно предположить (укажем, что А. Черняков не согласен с этим предположением, но принципиального значения на данном этапе объём материала не имеет, и мы всё же возьмём на себя смелость оставить этот пример), отсылает к сюжету песни В. Высоцкого «Мы вращаем землю», в тексте обнаруживаются «следы» текста Высоцкого: «со скоростью мира», со скоростью вращающейся земли, образ солдатских сапог («блаженство

ноющих сапог»). Сложно сказать идёт ли речь о темпоральной инверсии – «звери по ночам басовито трубят», - но соприсутствие образов флоры и фауны с военными также обнаруживается. Также в «Ангел устал» появляются незначительно искажённые строчки из песни Б. Окуджавы: «Здесь даже птицы не поют / Да и деревья не растут / Лишь только мы к плечу плечом (всё) прорастаем в нашу землю – стена», при этом в тексте также появляется образ толчка, дающего движение («Случился пламенный толчок / Пустился в странствие волчок») (оба текста – «Со скоростью мира» и «Ангел устал» - датированы мартом 2003 г.), которое также актуализировано у Окуджавы («кружится планета»), см. у Высоцкого:

От границы мы Землю вертели назад -
Было дело, сначала.
Но обратно её закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.

В то же время в обоих текстах цитаты и аллюзии помещаются в контекст, не просто снижающий героический пафос исходных песен, но нейтрализующий его. В обоих текстах война предстаёт как дело «человеческое», в первом он прежде всего противопоставлен миру природы – птицы, слоны, трава, человек находится как бы на периферии этого мира, двигателем которого он вряд ли является. Во втором тексте настроение усталости также соединяется с безрезультатностью: «Однако вышло, что не вышло ничего из ничего...». Если в более ранних произведениях Летова заметен пародийный настрой автора, разрушающего чуждый миф о войне, но одновременно с этим создающего особый героический образ солдата, готового на смерть ради своих идеалов, приближающего «новый день» независимо от того, возможно ли его наступление, то в 2000-е годы можно наблюдать совершенно иные настроения, указывающие не на безразличие к происходящему, а на усталость от введшихся с миром позиционных боёв. И сама война, и победа становятся иллюзией: солдату остаётся «винтовка без патронов / В свой последний сталинград», при этом сам исход битвы осмысливается как нечто далёкое и вряд ли реальное – «День победы на луне». И немногим позже этому будет дано название – «Реанимация», центром которой оказывается также переживание «вне боя»:

А вот отдельному солдату перестало умирать
Ведь у него лишь только слово, только слово - но какое!
Стал он жрать/бухать/блевать - себя на части разбирать -
Череп крепко разворочен, и мозги текут сквозь стены -
Стены, стены, двери, окна - другие были рядом
Торопливо постигали положение вещей
Созерцая похождения Текущего Повсюду,
По привычке продолжая ритуально повторять:
РЕАНИМАЦИЯ.

Красный цвет уступает место белому в тексте «Белые солдаты», в котором персонажи представлены скорее принимающими мир философами, вряд ли можно сказать, что они сближаются с пилигримами Бродского, но Летов отказывается от агрессивной метафоры смеха, заменяя его улыбкой принятия своей судьбы.

И уход оказывается тихим и спокойным:
А потом туманный вечер положил конец бесславию.
И полный фейерверк.

Героем ряда произведений становится спящий, наблюдающий за «танцем для мёртвых сквозь толстое стекло», у которого оказывается лишь один выход – осознание своего состояния и переход на ту сторону. Может быть, поэтому последний альбом начинается с гимна психонавтам: «Сучья рубят – мы летим как ракеты / В сияющий космос внутри». В мире «невечном» появляется новый день, и этот день герой ощущает внутри, и экстерииоризация этого состояния, чувства, мира для него оказывается уже излишней, зато появляется надежда на встречу с кем-то другим.

Солдат в поэзии Летова перерождается в имеющего ключи от всех дверей, а вместе с этим теряется смысл в непрекращающихся военных действиях, хотя они всё ещё составляют центр мира, героя окружающего («Ночью»). Но и в сознании персонажа появляется новое представление, новый конфликт, однозначно выражаемый фразой «не с кем воевать». И появляется новое ощущение, впрочем, ни в коей степени не указывающее на примирение с окружающим миром, на изменения представления о нём: «В пламени брода нет». В этом представлении вновь угадывается улыбка белого солдата среди обязательной войны. По-другому понимается и принимается эта война, лишаящаяся героического пафоса, становясь «нелепыми подвигами и драгоценными глупостями», ценность которых, видимо, остаётся прежней, но повторяемости, воспроизведения уже не требуется, «и поэзия кипит в торопливой реке / И поэзия грохочет путеводным костром».

В русле этого размышления становится очевидным, почему последний альбом заканчивается своеобразной кодой – «Осенью»:

Кто бы что ни сделал, кем бы кто ни стал
Никто не проиграл.

Вряд ли летовская осень в данном случае исключительно пора увядания, умирания, есть основания полагать, что это и время плодородия, в котором совершается переход в окончательное состояние, в котором «сиянье обрушится вниз / Станет самым тобой» и обретёт «Фантазийную географию новоявленного себя»:

Все они не хотели.
Они старались как могли.

Литература

1. *Корчинский А. В.* «Обязательная война» Егора Летова: историческая память, идеология, миф [Текст] / А. В. Корчинский // Русский авангард и война: сб. научных трудов. - Белград, 2014. - С. 304-323.
2. *Летов Е.* Стихи [Текст] / Е. Летов. – М.: Выргород, 2011. – 548 с.
3. *Летов Е.* Я не верю в анархию [Текст] / Е. Летов – М.: Издательский центр. – 214 с.
4. *Моисеев А. А.* «Милитарные образы» в поэзии Е. Летова (к проблеме интертекста) [Текст] / А. А. Моисеев // Политическая лингвистика. – 2005. – № 15. - С. 194-201.
5. *Новицкая А. С.* Концепт веселья в творчестве Егора Летова [Текст] / А. С. Новицкая // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Екатеринбург; Тверь: УрГПУ, 2011. - Вып. 12. – С. 204-208.
6. *Новицкая А. С.* Основные этапы творчества Е. Летова [Текст] / А. С. Новицкая // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Екатеринбург; Тверь: УрГПУ, 2013. – Вып. 14. - С. 172-180.